

Ольга Иванова

Путь Пробуждения

18+

Ольга Иванова

Путь Пробуждения

<https://litres.ru/74218953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля — величайший эксперимент Вселенной: планета, призванная собрать мудрость всех цивилизаций. В сердце этого замысла - Изея, Великая Ученая, избранная для миссии, что определит судьбу нового мира. Ей предстоит заложить в структуру Земли коды любви и активировать кристаллическую решетку планеты — фундамент межгалактического сознания. Вместе с отрядом звездных странников, среди которых мудрая Элия и амбициозная Вейла, Изея отправляется на Землю. Но не все во Вселенной одобряют дерзкий замысел. Тайный сговор, борьба за власть и угроза захвата планеты ставят под удар саму возможность пробуждения человечества. «Путь Пробуждения» — история о силе духа, древнем противостоянии света и тьмы и миссии, способной изменить судьбу целой галактики.

Содержание

Глава 1. Начало.	4
Глава 2. Дискуссия в совете.	7
Глава 3. Обсуждение Избранных: «Зеркало для души».	12
Глава 4. Знакомство Изеи и Элии.	19
Глава 5. Миссия звездных странников.	25
Глава 6. Высадка на Землю.	33
Глава 7. Пробуждение людей: жизнь, сотканная из любви и мудрости.	41
Глава 8. Распределение обязанностей.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Иванова

Путь Пробуждения

Глава 1. Начало.

Это был удивительный, прекрасный, волшебный мир. Он словно светился мягкой голубизной днем, а к ночи разливался глубокой, мощной синевой. В наступавшей почти черноте, после прощального сине-голубого заката, на небо всплывали две луны — большая и поменьше. Та, что побольше, светила серебром: прохладным и несколько отстраненным. Вторая посылала на планету более мягкое золотистое свечение. Эта планета была миром мудрецов и творцов. Великая Ученая достигла совершенства в магии чисел: с помощью определенных их сочетаний она умела создавать материю. В ее лаборатории велись уникальные эксперименты, позволявшие создавать все, что угодно. Способность творить была настолько велика, что жители планеты заскучили: им хотелось чего-то свежего, новаторского, удивительного. И они решили сотворить новый мир — другую планету, на которой они, словно боги, могли бы создать что-то прекрасное и неизвестное никому прежде. Великие умы, руководящие планетой, не были единогласны в этом замысле. Но Великая Ученая, помимо дара создавать, обладала и да-

ром убеждать. Она не лукавила, когда с гордостью объясняла простоту и безопасность своего эксперимента. Однако при-
сущее ей эго порой проявлялось в общении с теми, кто не
был столь талантлив в магии чисел: она слушала их вопро-
сы снисходительно и отвечала высокомерно. Гордость и са-
моуверенность не позволили ей проверить расчеты еще раз,
а ее манера поведения закрыла рот сомневающимся. Так ей
удалось всех убедить. Пришло время начала эксперимента.
Великая Ученая взялась за рычаг механизма, созданного ею
же из энергии звезд и человеческих эмоций, и поворотом
вправо дала начало реакции. И этот старт стал концом. Мощ-
ным взрывом разнесло все здания не только в округе, но и на
всей планете. Взрыв затронул атмосферу: воздушные пото-
ки смешались, ураган за секунды уничтожил волшебные ле-
са. Он вырывал с корнем деревья и, как ветер играет с осен-
ним листом, катал их по поверхности планеты то поднимая
в воздух, то обрушивая обратно на почву. За какие-то мгно-
вения весь этот сине-голубой мир, звучавший в Галактике
как горный ручей, стал серым, мертвым и тихим. Экспери-
мент проходил в защищенной лаборатории, поэтому руко-
водство планеты и сама Великая Ученая могли лишь наблю-
дать за стремительно разворачивающейся катастрофой. Ве-
ликая Ученая была не так плоха: она умела любить и цени-
ла жизнь. И не только свою. То, что случилось по ее вине,
оказалось настолько тяжким грузом, что она попросила на-
значить ей самое суровое поручение: без права вернуться,

без возможности помнить. Для нее одновременно помнить и жить стало невозможным. Атмосфера планеты истончалась с огромной скоростью. Оставшиеся в живых сели на космические корабли и стартовали. Великая Ученая находилась в анабиозе в специальной капсуле. Ее погрузили на один из кораблей, чтобы, оказавшись вне зоны воздействия радиации, обрушившейся на беззащитную планету, решить, что делать дальше.

Глава 2. Дискуссия в совете.

Когда космический корабль достиг межгалактической станции, атмосфера на ней уже была напряженной. Галактический совет, собранный из представителей самых развитых цивилизаций, заседал в огромном зале, где стены переливались изображениями звездных систем. В центре зала парила голограмма — карта Вселенной с отмеченной равноудаленной планетой, идеально подходящей для совместного эксперимента. Великая Ученая, все еще в состоянии анабиоза, находилась в специальной капсуле, которую установили в центре зала совета. Ее энергия, несмотря на физическую неподвижность, ощущалась в воздухе как тихая вибрация, наполненная скорбью и силой. Анабиоз и саркофаг не были наказанием — это был акт милосердия, защита души Великой женщины перед той болью, которая ее разрывала. Но сейчас все ждали ее пробуждения. Зал Галактического совета мерцал в такт общему дыханию Вселенной. Тема заседания была острой — возможный энергетический кризис. Председатель Совета открыл заседание. Один за другим выступали делегаты, и постепенно вырисовывалась полная картина надвигающейся угрозы. Представители разных цивилизаций говорили о том, что души разумных существ бессмертны и перерождаются в цикле сансары, но планетарные катастрофы травмируют энергетические оболочки душ,

нарушая их связь с потоком любви. Травмированные души как бы «застревают» в промежуточных состояниях и им требуется реабилитация в направленном на них потоке любви. После трагедии на планете Великой Ученой огромное количество душ не могло двигаться дальше по циклу перерождений, создавая энергетический застой. Ситуация усугублялась еще и тем, что все больше древних душ стали отказываться от воплощений из-за усталости и стагнации, что в будущем могло привести к снижению общего уровня энергии любви, питающей Мироздание. Многие выдающиеся сущности, накопившие огромный опыт, отказывались от новых воплощений, предпочитая «ожидание» в межжизненном пространстве. Их мудрость могла бы помочь Вселенной, но они больше не участвовали в ее развитии. Души, помнящие все свои воплощения, создали своеобразный замкнутый круг: они продолжали питать Вселенную своей энергией любви, но не давали ей развиваться, словно колесо, вращающееся на одном месте. В зале повисла тишина. Голограмма Вселенной продолжала мерцать, а взгляд каждого делегата невольно обращался к Великой Ученой. Возможно, именно ее знания, когда она пробудится, помогут найти решение. Председатель Совета поднял руку, призывая к вниманию: — Мы стоим на пороге перемен. Сегодня мы должны решить, как восстановить баланс. Кто готов предложить первый шаг? В зале заседания разгорелась дискуссия. Ученые предлагали стандартные решения: направить души на планеты с мягким

климатом и простыми задачами, создать «зоны покоя» для восстановления, усилить потоки энергии любви через коллективные медитации цивилизаций. Но все понимали: это лишь временные меры. Вопрос в том, как развиваться дальше, оставался без ответа.

Она стояла перед советом, не отводя глаз. Ее голос звучал тихо, но твердо: «Я прошу не реабилитации. Я прошу изгнания. закрепите мою душу в колесе сансары незнакомой планеты — пусть я пройду путь от самого начала, без памяти, без силы, без знания. Только так я смогу понять, что нужно душам, потерявшим путь». Участники заседания переглядывались: они знали, что ее душа способна к великим трансформациям и, возможно, ее присутствие в составе команды, состоящей из представителей всех заинтересованных цивилизаций, поможет в более короткие сроки найти или создать ключ к разгадке проблемы, мучившей галактику. Председатель спросил Великую Ученую: «Готова ли ты к исполнению миссии на Земле?»

Великая Ученая замерла у панорамного окна своей каюты, глядя на россыпь звезд за стеклом. Заседание Совета закончилось час назад, но гул голосов все еще звучал в ее голове. Она обхватила себя руками, словно пытаясь удержать разбегающиеся мысли. «Мы пытаемся лечить симптомы, а не болезнь, — размышляла она. — Да, Закон Гармоничного Восхождения верен: каждый этап опирается на предыдущий. Но проблема, кажется, в нашем собственном воспри-

ятии. Мы, достигшие уровня любви, смотрим на цивилизации, питающиеся страхом, не как на этап естественного развития, через который когда-то прошли и мы сами, а как на противника. Мы видим в них сопротивление, угрозу, несовершенство. И в этом — наше слепое пятно. Разве мы сами не были такими? Не цеплялись за силу, за контроль, за страх как опору? Разве не через борьбу с собственным эгоизмом мы пришли к пониманию любви? Но теперь, достигнув вершины, мы забыли путь, которым шли. Мы требуем от других мгновенного преобразования, не желая видеть, что и нам когда-то нужны были испытания, падения, ошибки. И вот парадокс: пока мы не примем собственный эгоизм не как грех, а как часть пути, мы не сможем по-настоящему прощать. А пока не научимся прощать тех, кто живет агрессией, точно так же, как когда-то простили себя, наш собственный путь к дальнейшему развитию будет закрыт. Любовь без прощения это не любовь. А прощение без понимания — просто слово. Возможно, ключ не в том, чтобы заставить других измениться, а в том, чтобы сначала измениться самим — научиться видеть в иных не врагов, а отражение нашего вчерашнего я». Она вспомнила катастрофу — цену ее самоуверенности и пренебрежения предостережениями. Мир, созданный с гордыней, не смог устоять, и шрам от той боли до сих пор не затянулся. «Возможно, — думала Ученая, — ключ не в том, чтобы заставить будущих землян принять любовь. А в том, чтобы показать: любовь — это не слабость,

а высшая форма силы. Но как это сделать? Как создать условия, где души сами увидят разницу? Где страх не будет их опорой, но и не станет врагом?» Ее взгляд упал на древний свиток с изображением спирали эволюции — каждый виток опирался на предыдущий, но вел к новому. «Эксперимент — мысленно произнесла она. — Планета, где души продолжают эстафету сознаний. Души, уже знавшие воплощения — их опыт не стерт, а преобразован в эволюционный код. Мы создадим аватары тела, несущие в ДНК память о высшей гармонии: способность чувствовать единство всего сущего, тягу к созиданию, дар сопереживания. Так они начнут не с борьбы и страха, а с понимания: любовь — это сила, соединяющая миры. И, опираясь на наследие предков, смогут воплотить ее в новой форме, избежав ошибок прошлого». «Но риск огромен. Если снова ошибка...» — Она закрыла глаза. В глубине души она догадывалась, как это можно устроить. Но воспоминание о катастрофе сковывало язык. Лучше промолчать. Лучше дать другим предложить то, что она не решается высказать вслух.

Глава 3. Обсуждение Избранных: «Зеркало для души».

Расширенное совещание завершилось. Голографические проекции делегатов растворились в воздухе, оставив после себя лишь мерцающие следы, похожие на звездную пыль. Теперь в Зале Высших Решений остались лишь члены Верховного Межгалактического Совета — семеро, чья воля определяла судьбы галактик. Их одеяния были функциональны и символичны одновременно: ткани подстраивались под комфортную температуру, меняли плотность и фактуру, но сохраняли неизменные знаки статуса. Командир Галактического Флота, представитель Воинственной Стражи Звезд, стоял у края стола, его строгий мундир отливал глубоким индиго с серебристыми прожилками — как ночное небо над полем битвы. На груди мерцали орденские планки: три вертикальные полосы — знак участия в миротворческих операциях; пульсирующий кристалл — награда за стабилизацию сектора Эпсилон 7, где схлестнулись цивилизации, утратившие способность к диалогу, тонкая гравировка вдоль рукава — напоминание о павших кораблях, чьи экипажи он не смог уберечь. Его лицо было изборождено тонкими линиями, не от возраста, а от бесконечных расчетов траекторий и решений, где цена ошибки — тысячи жизней. Глаза казались вы-

точенными из темного камня — спокойные, но в их глубине таилась неугасимая настороженность. Хотя разговор длился уже давно, голос его звучал не устало, а жестко и четко, как команда на мостике флагмана:

— Ее творение стало ее проклятием. Она боится творить. А без творчества Вселенная угасает.

Старейшина, облаченный в струящийся халат с вышитыми созвездиями, кивнул:

— Она молчит. И в этом молчании — вся ее история. Боль, гордыня, страх и любовь.

Советница Гармонии коснулась ладонью проекции, и образ катастрофы растаял, сменившись сиянием, похожим на рассвет. Ее одеяние переливалось мягкими волнами цвета, подстраиваясь под настроение:

— Не страх перед творчеством, а страх перед властью. Она знает цену гордыни. И именно это знание может стать ключом.

Архивариус, не произнося ни слова, вызвал над столом голограмму зеркала — не отражающую, а показывающую: в нем мелькали вспышки — Великая Ученая в разных воплощениях.

— Мы не будем учить ее. Мы дадим ей зеркало. Планету, где каждый выбор будет отражением ее души.

Командир Флота провел ладонью по орденским планкам — кристалл на груди на миг вспыхнул тревожным красным, затем успокоился. В этом жесте не было сомнения, только

привычная проверка системы: все ли работает, все ли готово к новому маневру.

— Если она не найдет путь мы все останемся слепыми.

Советница Гармонии улыбнулась — ее нимб вспыхнул мягким светом:

— Но если найдет Вселенная научится дышать по-новому.

Архивариус коснулся панели. Над столом возникла проекция планеты — бурные океаны, горные хребты, атмосфера, пульсирующая энергией выбора.

— «Земля Точка Равновесия», — произнес он. — Мир, где каждый шаг — испытание. Туда отправятся представители всех цивилизаций и Великая Ученая. Пусть опыт ее души станет фундаментом для нового понимания.

Старейшина обвел взглядом собравшихся:

— Кто за это решение?

Голографические проекции одной за другой начали светиться зеленым — знак согласия. Но в этом свете не было торжества.

«Вот и все», — думала Великая Ученая: «Сегодня — последний день ее жизни в этом звании. Последний день в этом мире». По пути в зал прощания она невольно гадала, каким будет ее новое имя. Придумают ли для нее что-то строгое и четкое, как формула? Или, напротив, плавное и текучее, как линия пространства-времени? Имя должно было стереть прошлое, но не могло стереть того, кем она была. А еще она

думала о тех, с кем ей предстояло разделить путь. Двенадцать представителей разных цивилизаций в каждом отряде — двенадцать судеб, переплетенных ради одной миссии. Кто они? Что хранят в памяти их миры? Будут ли они смотреть на нее как на равную? Коридоры станции мерцали мягким светом, отражая ее шаги тихим эхом. Каждый поворот приближал ее к залу распределения и к неизбежности перемен. Зал распределения был ярко освещен. Голографические платформы медленно вращались, выстраивая будущих путешественников в круги. Каждый шаг по светящемуся полу сопровождался тихим звоном, словно отсчитывались последние мгновения прежней жизни. На самом деле, зал считывал последние данные об идущем, чтобы принять окончательное решение о включении его в подходящую команду. Архивариус, великий хранитель, стоял у центрального портала. Его голос, спокойный и глубокий, разносился над собравшимися: «Вы станете звеньями одной цепи. Тринадцать цивилизаций — тринадцать путей к единой цели. Ваши судьбы переплетутся, каждому будут даны новые имена. Так велит ритуал. Над головами вспыхнули символы — знаки будущих отрядов. Цифры и руны складывались в сложные узоры, указывая, кто с кем разделит путь. Великая Ученая замерла, когда перед ней возникла проекция: число 7. Вокруг нее постепенно выстраивались двенадцать незнакомцев — представители миров, о которых она лишь читала в древних хрониках. Их лица были спокойны, взгляды — сосредото-

ченны. Никто не говорил лишних слов. Все уже было решено. Церемония началась без торжественных речей. В центре зала поднялся кристаллический обелиск, его грани мерцали, впитывая ауру каждого. Архивариус коснулся поверхности обелиска, и тот отозвался низким гулом. Из его центра вырвались тонкие световые нити — они потянулись к каждому из путешественников, обволакивая их запястья мерцающим узором. Ваши прежние имена остаются здесь» — произнес Архивариус. «Новые будут даны вам по очереди. Слушайте внимательно.» Один за другим участники круга слышали свои новые имена — короткие, емкие, звучащие как ноты. Когда очередь дошла до Великой Ученой, обелиск на миг замерцал ярче, а затем выдал: Изея. Имя отозвалось внутри нее легким эхом — не чужим, но и не совсем своим. Оно было точным, как лезвие, и холодным, как звездный свет. Великий хранитель, Архивариус, стоял у обелиска. Его голос, спокойный и глубокий, разносился над залом: «Я сохраняю память о каждом вашем воплощении. Даже если вы забудете друг друга, ваши души оставят след в кристалле времени. И когда миссия будет исполнена, мы соберем вас воедино!» Его слова дарили надежду. Советница Гармонии подошла к группе венерианцев. Будучи с ними из одной цивилизации, она шептала им слова благословения, касалась ладонями их лбов, оставляя на коже мерцающий узор — знак защиты. Но Великая Ученая была не из их числа. К ней подошли они, те, кому удалось спастись с погибшей планеты. Все — спо-

койные, подтянутые, безупречные. Ни намек на скорбь в их чертах, ни тени слабости в осанке. Они знали цену моменту и держали себя с достоинством. Окружив ее, один за другим, с прохладной, но ясной энергией, присущей тем, кто привык управлять галактиками и эмоциями, они подходили, чтобы попрощаться. Каждый касался ее плеч, сжимал ладони, смотрел прямо в глаза и произносил ритуальную фразу прощания: «Мы всегда вместе. Никакое расстояние не может разрушить великое чувство любви, связывающее нас». Фраза звучала как клятва, как формула, неизменная, неоспоримая. И в каждом повторении она обретала новую силу. Последним подошел Командир Галактического флота. Раньше им приходилось часто встречаться: Великая Ученая создавала для его флота устройства, способные изгибать пространства, спасать корабли из гравитационных ловушек. Он восхищался ее умом, ее спокойствием перед лицом хаоса. «Помни, ты не одна! В любом воплощении, в любой жизни ты „узнаешь“ своих. И они „узнают“ тебя.» Корабли уже переливались огнями, готовясь к старту. Голографические проекции отрядов мерцали, ожидая последних инструкций. Зазвучала мелодия прощания — древняя, как сами звезды. Великая Ученая закрыла глаза. Она не знала, что ее ждет на планете. Она не знала, встретит ли кого-то из провожающих вновь. Но здесь, в этот последний миг, она чувствовала их любовь — как щит, как свет, как закон, что действует вне времени и пространства.

А потом — вспышка. И новое имя. Изея.

Глава 4. Знакомство Изей и Элии.

Изея шла по плавно изогнутому коридору корабля, отмечая тишину — ни гула двигателей, ни шорохов. Только мерцание стен, словно они дышали в такт невидимому ритму. Ее каюта оказалась небольшой, но удивительно уютной: сферическое пространство с мягким освещением, стены переливались оттенками лунного камня. В каюте стояли две кровати — обе аккуратно заправленные, но одна с лежащим на ней перламутровым браслетом. «Значит, у меня будет соседка», — подумала Изея, осторожно остановившись в нескольких шагах от браслета. Хотя Изея и почувствовала почти непреодолимое желание прикоснуться к браслету, она не стала его трогать — в ее культуре было не принято прикасаться к чужим артефактам без явного разрешения и четкого понимания их природы. В этот момент дверь бесшумно открылась, и вошла Элия. Венерианка замерла на пороге: ее золотисто-зеленые глаза, напоминающие океанские глубины, на миг расширились от удивления, а на шее слабо замерцали биолюминесцентные узоры — признак легкого волнения.

— О, — произнесла она с легким мелодичным акцентом, — значит, это ты моя соседка. Меня зовут Элия.

Изея слегка склонила голову — у плеядианцев это был жест уважения, хотя и менее выраженный, чем традиционный поклон. Ее собственные серебристые волосы едва за-

метно заискрили статическим зарядом — тоже проявлялось внутреннее волнение.

— Изея, — ответила она:— Я не знала, что нас будут селить парами.

— Корабль сам распределяет, — Элия прошла внутрь, и ее длинные, тонкие пальцы с полупрозрачными скользнули по стене, активируя голографическую панель с картой корабля.

— Говорят, он учитывает резонансные поля.

Изея удивилась:

— Резонанс? Но мы же едва знакомы.

Элия повернулась к ней, и на ее губах мелькнула загадочная улыбка:

— А разве это имеет значение? Мы все здесь — части одного поля.

Она сняла с запястья второй браслет, такой же перламутровый, и протянула Изее на раскрытой ладони:

— Это знак приветствия у моего народа. Он запоминает энергетику носителя и помогает синхронизировать биоритмы. Будет легче переносить гиперпространственные переходы.

Изея слегка отступила назад, сохраняя уважительную дистанцию:

— Благодарю за предложение, — произнесла она ровным, учтивым тоном: — но я воздержусь от принятия дара на данном этапе. В моем опыте надежность связи определяется не

артефактами, а согласованностью намерений.

Элия не дрогнула — лишь чуть приподняла брови, явно оценив прямоту и такт собеседницы. Она неспешно вернула браслет обратно на свое запястье.

— Как пожелаешь, — ее голос остался мягким, без тени обиды. «Но знай: он не принуждает. Он лишь предлагает возможность. Примешь, когда сочтешь нужным.

— Возможно», — кивнула Изея, смягчив тон.

— Если условия перехода потребуют дополнительной синхронизации.

Элия села на свою кровать, скрестив ноги, и жестом пригласила Изею сделать то же. — Тогда давай проверим иной способ, — предложила она:

— Закрой глаза и сосредоточься на ритме корабля. Представь, что между нами нить света.

Изея колебалась, но все же подчинилась. Сначала она слышала только низкий гул корпуса, ощущала едва заметную вибрацию пола под ногами. Но потом Вспышка. На миг она увидела Элию в юности, стоящую у кристального водоема на Венере, где ее учили читать отражения звезд. Увидела саму себя — но не в настоящем, а в альтернативной линии времени, где она уже встречалась с венерианкой и они вместе воссоздавали жизнь на погибающей планете. Еще она увидела обелиск, пульсирующий в такт их единому дыханию. Видение исчезло так же внезапно, как появилось.

— Что это было? — выдохнула Изея, открывая глаза.

— Первый контакт, — ответила Элия:

— Корабль ускоряет связь между нами. Мы еще научимся управлять этим.

В этот момент корабль едва заметно дрогнул, и за стенами раздался новый всплеск гула — начался фазовый переход. Свет мигнул, и обе женщины инстинктивно схватились за руки. Их ладони соприкоснулись, и между пальцами вспыхнула нить мерцающего света, словно ответ на их неосознанный запрос о поддержке. «Вижу, резонанс работает и без артефактов», — подумала, улыбаясь, Элия. Изея не сразу отпустила ее руку. Впервые за долгое время она не чувствовала себя одинокой.

В каюте мягко засветились голографические панели, транслируя уведомление: всему отряду надлежало собраться для общего инструктажа. Перед выходом Изея, немного поколебавшись, все же приняла подарок и надела браслет на запястье. Легкое тепло от украшения отозвалось едва уловимым эхом в ее сознании словно отдаленный шепот древних звезд. Девушки, связанные только зародившейся дружкой, вместе направились к месту сбора. Каюта для совещаний значительно превосходила размерами личные отсеки, но даже здесь тринадцать кресел располагались довольно тесно. Некоторые уже были заняты, и молодые женщины на мгновение замешкались, выбирая свободные места. Однако поблизости свободных парных кресел не оказалось. Их внимание привлек мужчина среднего роста — сухощавый, но явно

выносливого телосложения. Сильная рука с заметными мозолями от работы с кристаллами приветливо махнула, приглашая девушек подойти. Он ловко пересел, освободив два соседних кресла. Изея благодарно кивнула незнакомцу.

— Дракс, — коротко представился он.

— Изея, — ответила она.

— Элия, — добавила ее спутница.

Дракс лишь слегка склонил голову в знак приветствия, а затем его взгляд, прежде внимательный и живой, вдруг стал отстраненным — так бывало всякий раз, когда он «видел» энергетические схемы. Постепенно все тринадцать кресел оказались заняты. В центре помещения возникла объемная голограмма Председателя Галактического Совета. Его голос, глубокий и уверенный, наполнил пространство: — Дорогие звездные странники, — начал он, — приветствую вас на борту корабля, который доставит вас к прекрасной и многообещающей планете. Как вы уже успели заметить, система корабля провела первичную группировку, распределив вас по парам или тройкам. Вы не сразу окажетесь на планете назначения. Впереди — важный этап: отработка слаженности и взаимодействия. Вероятно, вы уже поняли, что в отряде пока нет официально назначенного командира. Этот выбор еще предстоит сделать. Сейчас вы вернетесь в свои каюты. Каждый получит индивидуальное задание — ознакомьтесь с ним внимательно. Завтра вы начнете практическую отработку.

Голограмма задрожала и плавно растворилась в воздухе,

оставив после себя едва заметное мерцание частиц. Отряд начал расходиться, перешептываясь и обмениваясь взглядами: кто-то задумчивыми, кто-то настороженными, а кто-то — полными предвкушения.

Глава 5. Миссия звездных странников.

Гея стояла перед Галактическим Советом, и ее аура мерцала оттенками древних галактик. Когда все голоса утихли, она заговорила — не громко, но так, что каждый звук ее голоса отзывался в сознании присутствующих эхом времен: — Я согласна. Тишина повисла над залом, словно сама вечность затаила дыхание. Даже Великая Ученая на мгновение замерла, не ожидая такого ответа.

— Ты уверена? — спросила она, и в ее голосе звучало не только удивление, но и надежда. Гея улыбнулась улыбкой, в которой читалась память о сотнях рассветов и закатов.

— Да, согласна. Потому что это невозможно. Потому что это страшно. Потому что никто из нас не знает, получится ли. И если получится, мы изменим само понимание того, что значит быть.

Ее слова повисли в воздухе. В них была дерзость, вызов, но и глубокая мудрость — та, что рождается лишь после миллиардов лет поисков. Так началась история Геи — древней души, ставшей планетой. Не из-за долга, не из-за вины, а из-за дерзости мечты: доказать, что даже в кажущихся ограничениях кроется безграничное творчество.

Изея, вынырнув из потока воспоминаний, вернулась к

чтению задания в своей каюте. Стены помещения мягко мерцали, подстраиваясь под настроение хозяйки, а воздух наполнял тонкий аромат звездного цветка, взятого на борт корабля Элией. Перед Изеей, переливаясь всеми оттенками радуги, мерцал голографический свиток с инструкциями. Она увидела образ Геи — древней Души, готовой стать планетой, и ощутила трепет перед масштабом предстоящего. В этом образе читалась не только мудрость веков, но и детская радость перед неизведанным, почти дерзкая решимость бросить вызов устоявшемуся порядку. На мгновение Изея ощутила прямую связь с Геей — их сознания соприкоснулись, и она вновь почувствовала глубину ответственности. Изея читала о цели миссии: создать мир, где люди соберут лучшее из всех цивилизаций, где каждый атом будет вибрировать в унисон с замыслом Единого Источника, а Вселенная получит новый толчок к развитию. Она осознала свою роль: передать коды любви и гармонии, заложить основы межгалактического сознания, научить людей слышать шепот звезд и дыхание планет, активировать кристаллическую решетку Земли, которая станет фундаментом нового сознания. Оторвавшись от свитка, Изея подняла взгляд и увидела Элию — та сосредоточенно изучала свое задание, ее пальцы слегка светились, синхронизируясь с голограммой. На мгновение их глаза встретились, и между ними возникла тонкая связь понимания: несмотря на то, что части их инструкций могли быть написаны разным языком, их объединяла общая цель.

— Все получится, — произнесла Элия, и в голосе зазвучала та самая вибрация, что исцеляла и укрепляла. — Мы будем рядом. Ты заложишь коды любви, а я позабочусь о том, чтобы эти коды ожили в сердцах.

Элия должна была научить земных детей говорить на «языке сердца» — не через слова, а через ощущение единства, через тепло, что передается взглядом, жестом, тихим звуком голоса. Элия закрыла глаза и тихо запела. Не мелодию — вибрацию. Та разлилась по каюте, обволакивая пространство мягким светом.

Найя уже устроилась в каюте, когда вошла Мираэль — юная, с нежной улыбкой. Найя молча протянула ей стакан с кристальной водой. Мираэль приняла сосуд обеими руками и совершила ритуал священного омовения Тритонии, родной планеты Найи: окунула пальцы в воду и поочередно коснулась век, кончика носа, мочек ушей и губ. Затем произнесла приветствие, и в ее голосе зазвучала древняя мелодия, почти забытая: — Я тебя вижу, я тебя слышу, я тебя чувствую. После этого она сделала глоток из стакана. В тот же миг между ними вспыхнуло незримое взаимопонимание: серебристо-голубая аура Мираэль и прозрачно-бирюзовая аура Найи мягко соприкоснулись — бирюза и серебро вспыхнули искрами, словно заряженные статическим электричеством, по телу разлилось теплое чувство доверия.

Вейла вошла без стука, но не резко — скорее, осторожно, будто оценивая пространство. Она оглядела каюту, припод-

няла двумя пальчиками край одеяла на свободной кровати, прищурилась, сделала многозначительную паузу.

— Это моя кровать? — спросила она, не обращаясь ни к кому конкретно. Затем подошла к шкафу, открыла дверцу, увидела две занятые полки. Снова пауза. — Полагаю, это место для моих вещей? — ее тон был вежливым, но в нем звучала скрытая ирония. Рюкзак она поставила на пол рядом с кроватью, но когда открыла его, чтобы разложить вещи, содержимое оказалось скомканным — она действительно собиралась в спешке. Вейла на мгновение замерла: ей показалось, что Найя и Мираэль пристально за ней наблюдают. Но это была лишь игра ее нервов — Найя проверяла настройку энергополя каюты, а Мираэль раскладывала личные вещи с той же сосредоточенностью, с какой делала это минуту назад. Решив восстановиться и отвлечься от своих страхов, Вейла создала иллюзию сияющего водопада. Огромный каскад заполнил половину каюты. Найя резко обернулась:

— Останови! Ты истощаешь ее! Водопад растаял. Вейла растерялась. Найя действовала быстро: она наполнила стакан водой, протянула его Мире, чтобы та выпила, и начала напевать древнюю песнь течения — ее голос создавал вибрации, которые успокаивали пространство. Аура Мираэль постепенно восстановила мерцание. Девушка подняла глаза на Вейлу:

— Я не хотела вас беспокоить просто это было слишком сильно для меня.

Вейла замерла. В ее темно-изумрудной с алыми всполохами ауре на мгновение мелькнуло замешательство — она не ожидала, что ее иллюзия может кого-то ослабить.

— Прости, — произнесла она негромко, и в ее голосе впервые за день не было ни иронии, ни вызова.

— Твоя энергия мощна, Вейла, — мягко сказала Найя. — Но даже самый бурный поток нуждается в русле. Давай научимся направлять ее так, чтобы она не истощала других, а, наоборот, вдохновляла.

Орвин сидел за небольшим рабочим столом в каюте, внимательно изучая голографический план будущего лагеря. Его пальцы скользили по виртуальным линиям, выстраивая в уме последовательность действий. В документе четко значилось: «Проявить лидерские качества. Обеспечить слаженность группы перед высадкой». Рядом с планом отображались краткие характеристики членов отряда и рекомендации по взаимодействию с ними. Орвин отмечал ключевые моменты, мысленно распределяя роли. Дверь скользнула в сторону, и в каюту вошел Кэпрон. Его улыбка была широкой и дружелюбной, движения — плавными и располагающими.

— О, Орвин! Я рад, что мы окажемся в одной каюте! — голос Кэпрона звучал искренне и восторженно. — Я столько слышал о твоих подвигах на Арктуре! Честно говоря, даже не смел мечтать, что когда-нибудь встречу с тобой лично.

Орвин поднял взгляд от голограммы. Кивнул сдержанно: — Рад знакомству, Кэпрон.

Кэпрон сделал несколько шагов вперед, с восхищением разглядывая голографический план, но не слишком близко, чтобы не нарушить личное пространство.

— Впечатляет, — произнес он с легкой ноткой восхищения. — Никогда не видел таких подробных схем. У вас на Арктуре все так работают? Или это твой особый подход? Орвин слегка напрягся, но ответил нейтрально:

— Это стандартный формат представления данных. Ничего особенного.

Кэпрон кивнул, принимая объяснение, и отошел к своей койке, небрежно бросив на нее небольшой кейс.

— Да, конечно, — улыбнулся он. — Просто я привык к более творческим методам. Мы чаще полагаемся на интуицию и импровизацию. Хотя, должен признать, ваша методичность внушает уважение.

Орвин промолчал, продолжая изучать план. Он не любил излишней эмоциональности и громких слов — шумная манера Кэпрона невольно отвлекала. «Просто избыточная общительность, — перья, эмоциональный фон, интенсивность коммуникации. Данные дополнили общую матрицу анализа готовности отряда к высадке. одумал Орвин. — Наверное, это нервозность перед высадкой. Ничего более». Кэпрон тем временем достал из кейса небольшой кристалл, полупрозрачный, с мерцающими прожилками, и начал аккуратно протирать его мягкой тканью.

— Красивый, правда? — заметил он, поймав взгляд Ор-

вина. — Семейная реликвия. Напоминает мне о доме. У нас считают, что такие кристаллы помогают сохранять ясность ума в стрессовых ситуациях.

Орвин коротко кивнул:

— Полагаю, это вопрос привычки.

— Возможно, — согласился Кэпрон, продолжая полировать кристалл. — Но знаешь, что еще помогает? Разговор. Простой разговор. Когда долго находишься в замкнутом пространстве, важно общаться. Иначе потом сложно сработаться с командой.

Он поднял кристалл к свету, любуясь игрой бликов.

— Ты, наверное, уже успел кого-то приметить среди наших? Кто кажется тебе наиболее надежным? Просто как человек, без привязки к заданию, конечно.

Орвин внутренне насторожился. Вопрос был задан небрежно, но в нем читался явный интерес.

— Я предпочитаю делать выводы после личного общения, — ответил он сдержанно. — Пока рано кого-то выделять.

— Разумно, — Кэпрон положил кристалл обратно в кейс и закрыл его. — Значит, будем узнавать друг друга постепенно. Что ж, не буду мешать. Если захочешь просто поболтать — обращайся. Я отличный слушатель.

Он устроился на койке, закинув руки за голову, и закрыл глаза, будто собираясь вздремнуть. Орвин снова сосредоточился на голограмме, но легкое беспокойство не проходило. Его сенсорная система продолжала подавать едва уловимые

сигналы дисбаланса, хотя внешне все выглядело безупречно. Он глубоко вдохнул, стараясь сосредоточиться. Что-то отвлекало, но он не мог определить, что именно. Наверное, просто напряжение перед высадкой. В этот момент центр корабля зафиксировал параметры их взаимодействия: уровень доверия, эмоциональный фон, интенсивность коммуникации. Данные дополнили общую матрицу анализа готовности отряда к высадке.

Глава 6. Высадка на Землю.

Лира, аккуратно разложив вещи, окинула взглядом каюту, ставшую ее временным домом. Рядом уже обустраивалась Селена: ее коса с нитями серебра и лазурита мерцала в свете ламп, а движения оставались такими же плавными, будто она танцевала даже сейчас.

— Уютно, — улыбнулась Селена, заметив взгляд Леры.

— Да, — кивнула Лира, проводя рукой по гладкой поверхности стола. — Знаешь, я до сих пор никак не привыкну к новому образу.

Она села на койку, закрыла глаза, и перед внутренним взором всплыла картина: они стояли перед рядами прозрачных капсул, внутри которых покоились земные аватары — идеальные формы, созданные для преображения звездных душ. Каждая капсула пульсировала мягким светом, словно живое сердце, а над ними мерцали голографические проекции будущих носителей: их анатомические схемы, энергетические контуры, коды совместимости. Чуть дальше, в отдельном секторе зала, располагались другие капсулы — более простые по конструкции, но не менее совершенные. Там хранились аватары первых людей, которым предстояло ожить на Земле. Лира на мгновение задержала взгляд на них: эти формы были созданы с особой тщательностью. Задача ясна: вдохнуть в них жизнь, передать знания, но оставить про-

странство для свободной воли. На дисплее каждой капсулы вспыхнули строки: «Коды Души получены. Активация в режиме синхронизации». Один за другим члены отряда входили в зону трансформации. Их звездные формы, привычные для космических просторов, начинали меняться — плавно, почти незаметно. Первой шла Изея. Она подняла руку, активируя главный протокол:

— Начинаем воплощение. Да пробудятся души в новых формах.

Капсулы засветились ярче. Внутри каждой из них зазвучали древние светозвуковые вибрации — коды, дарующие жизнь. Лира почувствовала, как по телу прошла волна тепла, а затем — легкое покалывание. Ее серебристо-голубые волосы, прежде отливавшие чистым звездным светом, приобрели мягкий голубой оттенок, стали послушнее. Аура не изменилась, оставшись бирюзово-лазурной с перламутровыми переливами, но пульсировала она в такт новому ритму сердца, словно прилив и отлив далекого океана. В стороне, у дальней стены, стояли Вейла, Торвин и Кэпрон. Вейла, изящно склонив голову, изучающе рассматривала мужчин: она явно стремилась понравиться, но пока не могла точно определить, кто «главный». Торвин и Кэпрон, в свою очередь, незаметно изучали друг друга: Торвин — оценивающе, с легким напряжением в плечах, Кэпрон — с нарочито расслабленной улыбкой, но вот его взгляд был острым, цепким. Они словно примеривались друг к другу, намечая возможные союзы.

Воздух Земли, еще непривычный и оттого волнующий, наполнял легкие надеждой. Ветер донес запах влажной земли и хвои — резкий, живой, совсем не похожий на стерильные ароматы корабля. После долгих месяцев пути настал долгожданный момент. Изея окинула взглядом долину — зеленую, полную жизни, с серебристой лентой реки, петляющей между холмами. Дракс уже разворачивал голографическую схему поселка, его пальцы порхали над панелью, добавляя линии. Мужчина погрузился в работу с головой. Еще на корабле он продумал расположение жилых модулей, общественных зон, скрытых энергостанций и защитных периметров. В его воображении поселок рос и обретал форму — не просто набор функциональных построек, а место, где люди будут чувствовать себя дома. Дракс тщательно взвешивал каждый элемент: поселение должно было не только служить практическим нуждам, но и вдохновлять, дарить ощущение гармонии, а не подавлять своей утилитарностью. Теперь предстояло проверить, насколько задуманное впишется в пейзаж. Лира стала его надежной помощницей. Склонившись над портативным анализатором, она внимательно изучала карту местности: шагала вдоль склонов, отмечала особенности рельефа, оценивала микроклимат, искала природные ориентиры. Ее глаза видели то, что ускользало от взгляда других: как линия горизонта перекликается с изгибом реки, как солнечные лучи ложатся на склоны в разное время суток. Лира искала способ вписать будущее поселение

в ландшафт так, чтобы оно стало его естественной частью — словно всегда здесь было. Тем временем Селена, будто прогуливаясь, бродила по полям, погружая пальцы в темную, влажную почву. Грациозно и почти незаметно она брала пробы грунта, измеряла уровень влажности, оценивала освещенность участков. В ее уме уже складывалась карта плодородных зон: женщина прикидывала, где лучше разбить первые огороды, какие культуры быстрее приживутся в этом климате. Движения Селены были сосредоточенными и неторопливыми, будто она вела тихий диалог с самой землей. Найя отправилась на разведку в ближайший лес. Ее зоркий взгляд отмечал все: источники воды, выходы минеральных пород, запасы древесины. Она делала пометки на планшете, фотографировала растения, оценивала прочность стволов старых деревьев. Найя знала: чтобы построить дом, нужно сначала понять, какие дары готова предложить эта земля. Она была убеждена, что самым великим даром жизни была вода. В воздухе пахло грибами и прелой листвой, а под ногами мягко пружинил мох — все это Найя впитывала так же внимательно, как и технические данные. Торвин склонился над компактной полевой станцией, настраивая квантовые резонаторы. Его пальцы ловко скользили по сенсорным панелям — в движениях читалась многолетняя привычка работать с энергетическими полями. Когда-то он начинал как техник, обслуживая нейросетевые контуры, но благодаря упорству и таланту вырос до инженера — специалиста, отвечающе-

го за создание коммуникационной инфраструктуры. Сейчас Торвин создавал локальную сеть квантовой связи. Он калибровал резонаторы на частоту планетарного поля, чутко прислушиваясь к едва уловимому гулу энергии, вибрирующей в воздухе. Пальцы бегали по интерфейсу, настраивая узлы нейросетевой синхронизации — словно дирижер, управляющий невидимым оркестром. Затем запустил протоколы обмена энергией между лагерями и проверил стабильность приема сигналов между базовыми модулями. Его станция испускала едва заметное сияние — это активировались поля нулевой точки, формируя защищенные каналы связи. В воздухе мерцали голографические индикаторы, отображая уровень когерентности полей и плотность энергетических потоков. Рядом стоял Кэпрон. Перед ним в воздухе висела голограмма — сложная сеть маршрутов, протоколов, приоритетов и точек взаимодействия. Это была не просто схема связи, а динамическая модель информационных потоков всего региона, пульсирующая и перестраивающаяся в реальном времени. Кэпрон скользил взглядом по мерцающим линиям, определяя очередность передачи данных, задавая алгоритмы приоритетов сигналов. Он корректировал маршруты через квантовые узлы, выстраивал систему отчетов для Галактического совета, прогнозировал нагрузку на сеть на ближайшие циклы. Его задача состояла в управлении информационными потоками: он решал, что и кому нужно знать в первую очередь, как распределить ресурсы внимания, какие

данные требуют немедленной реакции, а какие могут подождать. Итак, два канала и оба под его контролем. Первый — связь с кораблями: рутинные отчеты, координаты, запросы ресурсов. Все чисто, все по протоколу. Второй отвечал за координацию с лагерями других групп: обмен данными разведки, синхронизация патрулей. Стабильно, но с легкими искажениями — как и задумано или... нет? Он настроил ретрансляторы на частоту, резонирующую с кварцевыми жилами в земной коре, сигналы оборудования должны максимально соответствовать естественной частоте природы, чтобы минимизировать влияние на развитие планеты, поэтому шероховатости могли быть. Помехи нарастали постепенно — как туман на поверхности реки, скрывающий подводные камни. Система вела себя так, будто боролась с природными аномалиями или адаптируясь к ним. «Должно работать» — подумал Кэпрон, наблюдая, как ИИ ретрансляторы автоматически корректируют сигнал. В эти доли секунды, когда система «пробивалась» сквозь помехи, возникали короткие «окна» стабильности. Вейла замерла над логами, сверяя данные с показаниями геосканеров. Выполняя задание по системной диагностике, она отслеживала не просто цифры — ее интересовали паттерны отклонений. Пальцы скользили по сенсорному полю, выстраивая графики аномалий: частота помех нарастала синхронно с плотностью кварцевых отложений в коре. Вейла хмурилась, перезапускала анализ. Кэпрон невольно сжал кулаки. Почему она так долго изучает

этот сегмент? Обычная проверка не занимает столько времени. Его взгляд метнулся к индикаторам нагрузки — все в пределах нормы. ИИ адаптация компенсировала искажения, сглаживая мелькание на экранах тревожных символов — древних рун, предупреждающих о дисбалансе. Но почему Вейла не отступает? Она сравнила данные с показаниями геосканеров: кварц действительно мог создавать резонанс, но не такой ритмичный. Не поднимая глаз, Вейла активировала приватный канал связи и отправила Кэпрону сообщение: «Помехи слишком упорядочены. Проверь настройки ретрансляторов. Если это продолжится, Изея начнет задавать вопросы». Кэпрон кивнул сам себе — едва заметно, так, чтобы никто не заметил. Внутри все еще дрожало от напряжения, но внешне он остался невозмутим. «Спасибо за предупреждение» — ответил он лаконично, без эмоций. Его пальцы машинально коснулись края голографического дисплея. Он не знал, что хуже: если Вейла права и система действительно сбоит по его вине или если она заметила что-то большее. Что-то, чего он сам не предусмотрел. Торвин, стоявший неподалеку, тоже видел, как Вейла хмурилась над графиками. Он не заметил странности — не был специалистом в расшифровке сигналов, но хорошо чувствовал настроение других людей. «Она что-то вычислила, — подумал он. — И это ее тревожит». Но решил промолчать: в вопросах диагностики Вейле доверяли больше. Вечером Изея собрала короткий брифинг. В помещении пахло свежестью — кто-то от-

крыл вентиляционные каналы, и внутрь проник аромат цветущих растений с долины.

— Помехи усиливаются, — сказала Изея нейтрально. — Предлагаю усилить мониторинг и перераспределить нагрузку на резервные узлы.

Вейла молча кивнула, мысленно отмечая: усиление мониторинга — именно то, что она делала последние часы. Ее данные лягут в основу решения. Кэпрон кивнул с безупречной искренностью:

— Хорошая идея. Я лично проверю калибровку ретрансляторов.

Он бросил короткий взгляд на Вейлу — едва заметный кивок, благодарность без слов. Затем перевел взгляд на Торвина и улыбнулся чуть шире, чем обычно:

— Спасибо, что не подняли панику раньше времени. Ценю вашу сдержанность. Торвин лишь пожал плечами, делая вид, что ничего особенного не произошло. Но в глубине души он задумался: почему Кэпрон так легко принял замечание? И откуда это чувство, что Вейла явно знает больше, чем говорит? Они продолжали играть в эту молчаливую игру — каждый строил догадки, но никто не решался озвучить свои подозрения. А Кэпрон уже просчитывал следующий шаг: еще несколько часов — и система адаптируется к помехам. Или не адаптируется. И тогда придется решать, что делать дальше.

Глава 7. Пробуждение людей: жизнь, сотканная из любви и мудрости.

День подходил к концу, и тени от холмов уже протянулись через долину, окрашивая ее в золотисто-лиловые тона. Дракс завершил презентацию плана поселения — голографическая модель висела над столом, демонстрируя величественную композицию, отдаленно напоминающую древние города его родной планеты. В центре поселения возвышался Очаг Силы — монументальное сооружение с колоннадой и куполом, где аккумулировалась и распределялась энергия. От него расходились широкие проспекты, обрамленные портиками и статуями, к четырем кварталам, каждый из которых имел свой Малый Очаг — уменьшенную копию центрального святилища, выполняющую роль локального энергоузла и духовного центра. «В течение дня мы обменялись данными с каждым из вас, — сказал Дракс, оглядывая отряд. — все замечания и уточнения уже внесены. Поселок спроектирован по архетипическим схемам гармонии: проспекты ориентированы по сторонам света, кварталы расположены в соответствии с энергетическими потоками местности, а Очаги Силы будут не столько техническими узлами, а местами, где люди смогут ощутить связь с источником энер-

гии Вселенной.» Он провел рукой над панелью, масштабируя отдельные участки: вот Северный квартал с мастерскими и складами, его Малый Очаг связан с геотермальными источниками. Восточный квартал это, в основном, жилые дома и школы, где энергия накапливается за счет солнечных концентраторов на крышах. В Южном квартале были размещены сады и огороды с гидроэнергетическими установками. В Западном квартале Дракс расположил казармы охраны и мастерские, использующие ветряные преобразователи. Изее очень понравился проект: он был не просто функционален — он воплощал звездную мудрость. Члены отряда переглядывались — вопросов почти не было. За день они успели обсудить детали друг с другом, уточнить данные, сверить замеры Лиры и Селены с инженерными расчетами Дракса. Отряд уже работал как единый механизм, и это вселяло уверенность. Но Кэпрон, стоявший чуть в стороне, скрестил руки на груди и слегка наклонил голову, будто оценивая модель под новым углом. Он дождался, пока затихнут последние реплики, и обратился к Изее с улыбкой, которая казалась слишком широкой для ситуации:

— Что-то тут слишком много всего наворочено, не правда ли, Изея? Да, все продумано, но как-то слишком вычурно, что ли. Эти колонны, статуи, святилища Сойдет, конечно, но разве нельзя было придумать что-то попроще?

Изея растерянно молчала, ведь она не заметила каких-либо недостатков в плане Дракса. Напротив, ее восхитила про-

думанность решений: как линии дорог повторяли естественные изгибы рельефа, как зоны отдыха располагались в местах с наиболее гармоничной энергетикой, как каждый Очаг был связан с природным источником силы. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела подобрать слова: первым выступил Орвин. Его голос прозвучал ровно, но весомо — так, что все невольно повернулись к нему:

— Кэпрон, по-моему, ты ошибаешься. Все действительно хорошо продумано. Дракс учел не только технические параметры, но и то, как люди будут чувствовать себя в этом пространстве. Это не просто схема — это место, где им предстоит жить, учиться и черпать силу из древних традиций.

Он сделал шаг вперед, переводя взгляд на Дракса:

— Дракс, ты связывался с конструкторами поселений других отрядов? Как продвигаются дела у них? Если им необходима помощь или поддержка, думаю, что ты справишься с координацией. Ты показал себя отличным организатором.

Дракс слегка улыбнулся — не столько от похвалы, сколько от того, что почувствовал: в словах Орвина была не просто оценка, а признание.

— Да, я уже обменялся данными с двумя группами, — ответил он. — У одной возникли сложности с интеграцией Малого Очага в местный ландшафт, я предложил несколько вариантов решения, как принято строить у нас на планете, используя естественные возвышенности как основу для святилища. Вторая группа почти завершила разметку, но им

не хватает информации по геологии склонов — достался непростой участок. Думаю, Лира и Селена могли бы помочь с анализом энергетических потоков.

Орвин кивнул:

— Отлично. Тогда предлагаю от нашего отряда закрепить за Драксом роль координатора по вопросам проектирования. Он будет собирать и систематизировать информацию от всех лагерей, помогать с техническими решениями и докладывать о прогрессе.

Изея встретила взглядом с Орвином и улыбнулась — без слов, но с явным одобрением. Остальные закивали, соглашаясь. Даже Кэпрон изобразил на лице улыбку.

— Конечно, отличная идея, — произнес он. — Дракс действительно хорошо справился. Просто я думал о том, как упростить схему Но, видимо, упрощать не нужно. Связь с другими отрядами лучше оставить за мной — так будет проще поддерживать единую стратегию, это упростит контроль и снизит нагрузку на всех, а члены команды смогут оперативно согласовывать действия напрямую, как и раньше, без лишней бюрократии.

Люди просыпались в своих домах — простых, но изящных строениях с широкими окнами, выходящими на сады и луга. Они открывали глаза, и в памяти сразу возникали знания: как зовут их детей, где лежат инструменты, какие травы целебны, а какие годятся в пищу. Утро начиналось с привычных дел. Женщины выходили на крыльцо, улыбались солнцу

и шли к загону с животными. Они знали, как успокоить испуганного ягненка, просто положив руку на его спину и тихо произнеся несколько слов. Женщины не задумывались, почему так происходит, они просто знали, как надо. Мужчины осматривали молодые побеги в саду. Один из них, присев на корточки, проводил пальцами по земле и прошептал что-то. Через мгновение почва слегка засветилась, и ростки заметно прибавили в росте. Мужчина удовлетворенно кивнул и перешел к следующему ряду. Дети играли у ручья, строили маленькие плотины из камней. Когда один из камней начал соскальзывать, девочка подняла руку и тот замер в воздухе на секунду, прежде чем аккуратно лечь на место. Дети засмеялись и продолжили строить. Люди чувствовали настроение друг друга без слов. Если кто-то огорчился, остальные подсознательно подстраивались, чтобы поддержать: кто-то начинал рассказывать веселую историю, кто-то предлагал помощь в работе. В общине не было споров о том, кто что должен делать. Люди естественным образом брали на себя те роли, к которым чувствовали склонность: кто-то лучше работал с растениями, кто-то с животными, кто-то умел находить воду под землей. Если возникала сложность, люди собирались вместе, делились мыслями, и решение приходило само собой, словно складывалось из множества маленьких идей в одну большую. Звездные странники наблюдали за пробуждением людей с тихой радостью. Изея стояла на холме, глядя, как жители поселения расходятся по делам.

— Они даже не понимают, насколько удивительны, — прошептала она.

Орвин, стоявший рядом, улыбнулся:

— В этом и есть замысел. Их сила — не в осознании ее, а в естественном проявлении. — Любовь и мудрость это их воздух, их почва, их свет.

Кэпрон, наблюдавший издалека, слегка нахмурился. Он видел, как легко и естественно люди используют способности, которые он сам осваивал из воплощения в воплощение. Но пока молчал, обдумывая что-то свое. В ДНК людей хранились лучшие качества цивилизаций: способность исцелять через прикосновение и гармонизировать пространство; глубокая эмпатия и умение создавать атмосферу единства; понимание законов природы и умение работать с энергией стихий; врожденное чувство красоты и гармонии, проявляющееся в архитектуре, музыке, искусстве. Но люди не считали это «способностями» — для них это было так же естественно, как дышать. К закату все собирались у Малого Очага в Восточном квартале. Не было ни молитв, ни формальных речей — просто люди сидели вместе, делились впечатлениями дня, слушали, как ветер играет в ветвях деревьев. Иногда кто-то начинал напевать, и мелодия подхватывалась другими, складываясь в многоголосую гармонию. Или кто-то рассказывал историю — о том, что видел сегодня: как птица свила гнездо, как ручей поменял русло, как взошли звезды. Изея смотрела на них и понимала: эксперимент удался.

Люди не просто несли в себе наследие цивилизаций — они были этим наследием, живым воплощением любви и мудрости Вселенной.

Глава 8. Распределение обязанностей.

Изея часто навещала поселок и, с каждым визитом, в ней крепла убежденность: людям нужно больше самостоятельности. Она понимала: пора сократить частоту посещений, дать землянам возможность самим принимать решения, разбираться в своей жизни без подсказок. Пусть даже ошибки станут их учителями — ведь именно через заблуждения приходит осмысление, через поиск — обретение истины. Опыт, добытый собственным трудом, был не менее ценен, чем мудрость, дарованная Иными (так их стали называть за глаза земляне). Еще одну тяжесть Изея ощущала все острее: в отряде до сих пор не было официально выбранного лидера. Многие вопросы решались несогласованно, стихийно. Ее дар материализовывать решения был широко известен и потому к ней постоянно обращались за помощью. Порой, как казалось самой Изее, эта помощь вовсе не была необходима. Она лишь отвлекала, отнимала силы и ресурсы. Если бы не поддержка Элии, неизвестно, как Изея справлялась бы с непривычными условиями существования. Да, пребывание в человеческих телах оказалось не таким уж удобным, по крайней мере, поначалу. Непривычные ощущения, ограничения, новая физиология. Все это требовало адаптации. Од-

нажды, когда Изея в очередной раз создавала инструмент, помогавший жителям качественнее обрабатывать поля, она опустилась на колени, сосредоточившись на работе с энергиями. Дракс, наблюдавший за ней с сочувствием, подошел и протянул руку, помогая подняться. В этот момент Изея не выдержала — вопрос вырвался сам собой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.